

ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦАРЕЙ

БЫТ И НРАВЫ
ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА

ИВАН БРЫКИН
ТИМОФЕЙ СВИРИДОВ
ИВАН СНЕГИРЁВ

Русская история (Алгоритм)

Иван Снегирев

**Жизнь двенадцати царей. Быт
и нравы высочайшего двора**

«Алисторус»

УДК 82-84
ББК 84.3

Снегирев И. М.

Жизнь двенадцати царей. Быт и нравы высочайшего двора
/ И. М. Снегирев — «Алисторус», — (Русская история
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00180-145-0

Книга, которую вы прочтете, уникальна: в ней собраны воспоминания о жизни, характере, привычках русских царей от Петра I до Александра II, кроме того, здесь же содержится рассказ о некоторых значимых событиях в годы их правления. В первой части вы найдете воспоминания Ивана Брыкина, прожившего 115 лет (1706 – 1821), восемьдесят из которых он был смотрителем царской усадьбы под Москвой, где видел всех российских императоров, правивших в XVIII – начале XIX веков. Во второй части сможете прочитать рассказ А.Г. Орлова о Екатерине II и похищении княжны Таракановой. В третьей части – воспоминания, собранные из писем П.Я. Чаадаева, об эпохе Александра I, о войне 1812 года и тайных обществах в России. В четвертой части вашему вниманию предлагается документальная повесть историка Т.Р. Свиридова о Николае I. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, что делает повествование особенно интересным. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-00180-145-0

© Снегирев И. М.

© Алисторус

Содержание

Часть 1	7
Предисловие	8
Пётр I	10
Екатерина I	17
Пётр II	21
Анна Иоанновна	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Иван Саввич Брыкин, Тимофей Романович
Свиридов, Иван Михайлович Снегирёв
Жизнь двенадцати царей. Быт
и нравы высочайшего двора**

© ООО «Издательство Родина», 2021

Часть 1

Быт и нравы русских царей от Петра I до Александра I (Воспоминания И.С. Брыкина)

Иван Саввич Брыкин (1706–1821) более восьмидесяти лет был смотрителем царской усадьбы Измайлово под Москвой. Ему довелось видеть русских царей от Петра I до Александра I.

Его правнук, известный историк Иван Михайлович Снегирёв записал воспоминания И.С. Брыкина. В данном издании они приводятся с некоторыми сокращениями, не относящимися к основной теме.

Предисловие

Мой прадед Иван Саввич Брыкин прожил без малого 115 лет. Всю свою жизнь он провёл в Измайлове, царском имении под Москвой: отец его был подъячим Приказной избы, ведавшей всеми делами этого имения; Иван Саввич, выучась грамоте у сельского дьячка, поступил писарем в ту же Приказную избу и тоже дослужился до подъячего, смотрителя измайловских дворцов. Он видел приезжавших сюда на охоту, отдых и веселье императоров Петра I, Петра II, императриц Анну Ивановну и Елизавету Петровну, равно как последующих императоров и императриц российских.

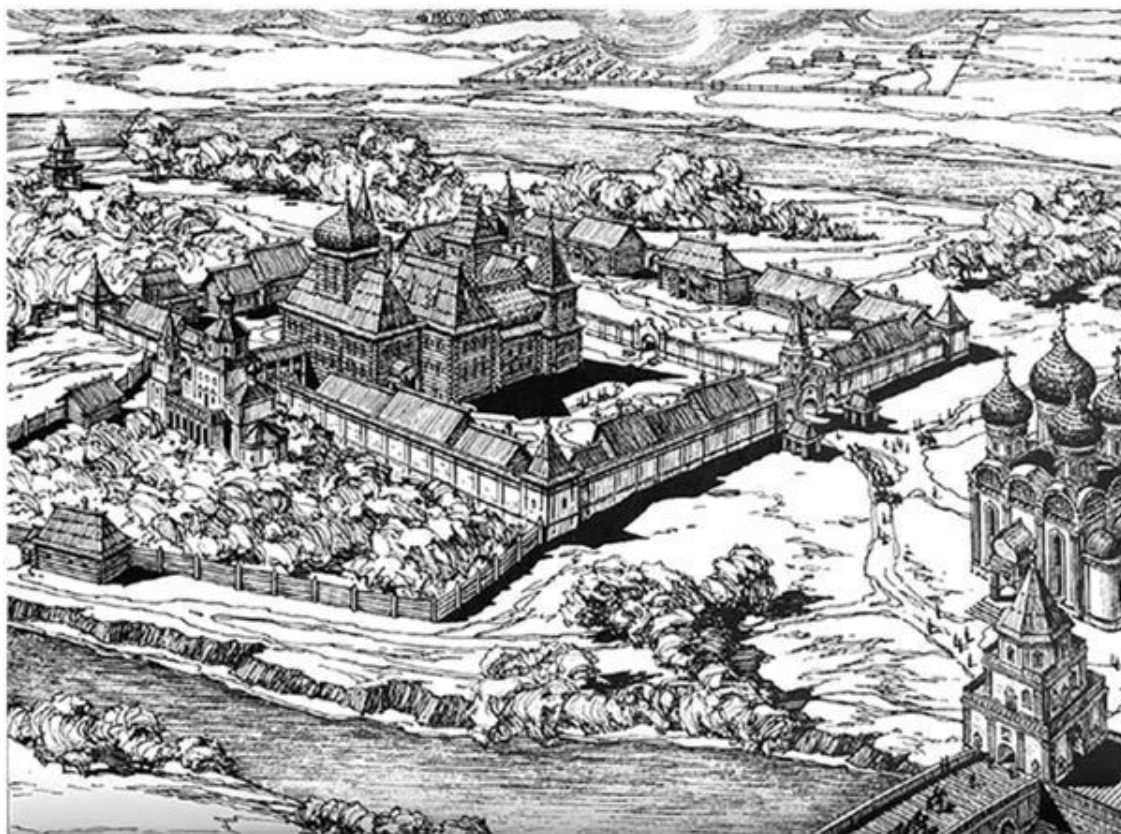
Они его тоже примечали и иной раз жаловали: Петр I подарил ему серебряный рублевик, промолвив: «Смотри же, береги, на орехи на пролакомь»; Анна Иоанновна отметила его смысленность и расторопность изустно, а Екатерина II – в особой грамоте, назвав Ивана Саввича «попечительным и усердным слугой всемилостивейшей государыни и прямым сыном Отечества»; наконец, Павлом I был он пожалован в коллежские асессоры, или, как говорились тогда, в майоры.

Видя столь высоких персон и будучи отмечен их милостями, Иван Саввич не был расположен ни к спеси, ни к гордыне, напротив, отличался приятной простотой общения и приветливостью; дом его был хлебосолен и гостеприимен: каждый мог найти тут радушный без лести приём и угощение, чем Бог послал. К незваному обеду подавался обычно кусок домашней ветчины, лапша, яишница-верещага или глазунья, индейка с солеными лимонами, утка с такими же сливами, свежий варенец, белоснежный творог с густыми сливками. Вместо заграничных вин и ликеров, подносили гостям домашние многолетние наливки: малиновку, смородиновку, вишневку, рябиновку, розановку; в промежутках – янтарный мёд. Под конец обеда не обходилось без посошка на дорожку, что немцы называют *Johannistrunk*.

Хозяйство Ивана Саввича было прекрасно устроено без заморских затей; дом был, как полная чаша: всего в изобилии, и при том ещё, на малом пространстве земли, грунтовые сараи и сады доставляли ему прекрасные фрукты, огороды – овощи, пчельник – мёд. В ледниках засечены были бочки пива, квасу, разных медов, которыми прежде щеголяли хозяева.

У кого в селе попросить квасу, или дрожжей? – у Ивана Саввича. У кого взять медку на канун для помину родителей? – у Ивана Саввича. К кому идти попить пива? – к Ивану Саввичу. А он, надобно заметить, хоть был и скупенек, но не отказывал в помощи бедному и доброму человеку.

Царская усадьба Измайлово под Москвой. Гравюра конца XVII века

Отменно хорошим было у Ивана Саввича пиво, которое варили, по обычаю, в марте. Его пиво было пряное, тонкое, вкусное и здоровое, которое не густило крови, не действовало на голову – такое, как говаривал, шутя, Иван Саввич: «Хлебнёшь, упадёшь, вскочишь, опять захочешь». У Ивана Саввича этого русского напитка было три сорта: «дедушка», «батюшка», «сынок», по различию степеней крепости. Употребление такого пива рекомендовали доктора больным; его выписывали в Санкт-Петербург ко двору и в другие города, и даже в Пруссию.

Вместе с тем, Иван Саввич к пьянству склонности нимало не имел: разве что изредка позволял себе в приятельском обществе подгулять, следуя старинному правилу, что для произведения полезного переворота в теле, надобно хоть раз в месяц напиться. Опорожнив стаканов пять и даже десять пуншу, несколько рюмок домашней наливки и не одну кружку пива, он никогда не бывал пьян, но становился говорливым, весёлым и шутливым – у него вино не связывало, не притупляло языка, но развязывало его. Имея твёрдую до глубокой старости память, Иван Саввич любил вспоминать старину – она оживала в его речах, которые лились рекою; к ним приплетал он пословицы, прибаутки и притчи, которые и я у него заимствовал.

Всего не припомнишь, что я слышал от Ивана Саввича, – в памяти запечатлелись лишь некоторые рассказы его. Из них приведу наиболее примечательные, надеясь со временем, если Бог даст, собрать все рассказы в одну книгу.

Иван Снегирев

Пётр I

...Государь Пётр Алексеевич родился у нас в Измайлове: старики, которые помнили царя Алексея Михайловича, отца Петра, и двор его, твёрдо говорили мне об этом.

Алексей Михайлович по натуре своей был рачительным сельским хозяином, основательным помещиком: он едва мог дожидаться наступления весны, чтобы выехать в одно из своих загородных имений, из которых Измайлово любил более всего. Приехав сюда в мае, он обычно жил здесь до октября, занимаясь обустройством многих хозяйственных заведений, в числе коих были полотняные мастерские, стекольный и кирпичный заводы, ветряные и водяные мельницы и ещё многое другое, не считая скотных дворов, полей и огородов. Старики рассказывали, что по царском приезде, каждый божий день после заутрени в Измайлове начинался такой стук и грохот, что хоть вон беги! Алексей Михайлович самолично бывал там и тут, наблюдая за работами и давая необходимые указания; единственными тихими днями становились дни его выезда на соколиную охоту, которую он страстно любил и отводил ей немало времени в своём измайловском пребывании.

В год, когда родился царевич Пётр, государь Алексей Михайлович, невзирая на то, что жена его Наталья Кирилловна должна была вскорости родить, выехал весной в Измайлово. Здесь Пётр Алексеевич и появился на свет, здесь прошли его детские годы, – но и в зрелом возрасте он часто приезжал сюда, не забывая места своего рождения.

Я впервые увидел государя Петра Алексеевича, будучи лет одиннадцати или двенадцати от роду. Он тогда жил в Измайлове уже несколько дней, но я не имел возможности лицезреть его, поскольку всем служителям и детям их строго-настрого было приказано, чтобы они перед государем не мельтешили и глаза ему не мозолили. Но мне случилось как-то поутру пойти по отцовскому поручению на другой край усадьбы; проходя мимо кирпичного завода на берегу пруда, я заметил странного человека, который стоял возле большой кучи глины и разминал в руках её комки, при этом разговаривая о чём-то с мастерами.

Он был настолько странен, что я остановился и вытаращил глаза: чрезвычайно высокий, худой и жилистый, он был похож на огромного журавля – сходство усиливали непомерные длинные ноги, сутулость и привычка наклонять голову вперёд. В лице его, однако, не было ничего птичьего, скорее, что-то кошачье – сходство усиливалось жидкими усами, которые топорщились точь-в-точь, как у нашего кота Филимона. Одевание незнакомца было столь же удивительно, сколь его облик: короткий засаленный халат едва прикрывал ноги; обут он был в войлочные чуни на кожаной подошве, а на голову был напялен вздыбленный рыжий парик, из-под которого торчали пряди собственных тёмных волос.

Я принял его за блаженного или юродивого, тем более что его правая щека постоянно дёргалась, а рот при разговоре кривился; к тому же, время от времени незнакомец издавал короткий лающий смех, вскидывая голову так, будто ему не хватало воздуха.

Рассматривая блаженного с удивлением и страхом, я не понимал, как его могли впустить в усадьбу, особенно при нахождении в ней самого государя. Моё удивление ещё больше усилилось, когда к незнакомцу подошли, кланяясь, как китайские болванчики, богато одетые знатные господа. Не отвечая на их приветствия, он бесцеремонно вытер запачканные глиной руки о пышные дорогие кружева на груди одного из господ, резко развернулся и пошёл в сторону полотняного двора, вышагивая на своих длинных ногах, точно как журавль. Знатные господа побежали за ним, смешно семеня короткими ножками и не переставая кланяться и лгисто улыбаться.

Неужели это был государь Пётр Алексеевич, царь всея Руси?.. Я поскорее выполнил поручение отца, чтобы вернувшись к нему, рассказать о виданном мною возле кирпичного завода

человеке. Внимательно выслушав меня, отец подтвердил, что странный незнакомец и есть наш царь Пётр.

– Заметил ли он тебя? – спросил отец. Я ответил, что вряд ли, – он был занят разглядыванием глины и разговором с мастерами.

– Славу Богу! Он терпеть не может, когда на него глазают: бывало, камнями швырялся в тех, кто паялился на него, – сказал отец. – На будущее запомни: при встрече с государем разглядывать его, яко диковинку какую, не смей, и в глаза ему старайся не смотреть, – он этого не любит. Шапку загодя сними, – это перво-наперво! – не то можешь жестоко поплатиться: он не поглядит, что у тебя молоко на губах не обсохло, – отделает так, что жив не будешь!..

Таковы были моё первое свидание с Петром Алексеевичем и первые впечатления о нём. После довелось немало другого узнать про этого достославного государя, о чём далее рассказать не премину.

* * *

Продолжая рассказ, заметить должен, что сведения мои почерпнуты главным образом из разговоров служителей Измайлова, где государь Петр Алексеевич, как я ранее доподлинно утверждал, родился, и где он не раз впоследствии быть соизволил. По смерти государя я едва из отроческого возраста выходить начал, однако многое из того, что слышал, в точности запомнил. Напрасно говорят, что дитя неразумно и не понимает взрослые речи, – понимать-то, может, не понимает, но запоминает всё, что сказано, а со временем и объяснение находит.

Многое, многое я слышал о государе Петре Алексеевиче, – от слуг, ведь, не скроешься, они всю подноготную своих хозяев знают! Говорили о нём всегда шепотом, только своим, потому что за неосторожное слово можно было не только языка, но и жизни лишиться, но всё-таки говорили, ибо интерес к сему государю был сильнее страха смерти.

Что же, начну, как запомнилось, – уж не обессудь, если путано стану излагать: эпистолярный мемуарных никогда не писал, а что и как в памяти содержится, так и буду говорить.

В отношении содержания, питания и прочих жизненных удобств государь Пётр Алексеевич был неприхотлив. Под спальню выбирал себе комнату во дворце самую малую, обязательно с низким потолком, а кровать ему устраивали, – не поверишь! – в шкафу. Говорили, государь привык к этому в Голландии, где жил под чужим именем и работал как простой плотник. Голландия страна маленькая, места на всех не хватает, поэтому голландцы спят в шкафах – внизу ящики, сверху ящики, а посередине полка, на которую тюфяк кладут и спят на нём полужёла. Так-то и государь Пётр Алексеевич спал, скрючившись в три погибели, потому как при его росте даже в самом большом шкафу распрямиться было невозможно.

На обстановку комнаты он нимало не взирал, к чистоте и порядку тоже был равнодушен, однако боялся тараканов, – настолько боялся, что ежели увидит хоть малюсенького, возопит, как оглашенный, и выбежит из комнаты вон. Отчего в нём такой страх был перед этим мирным существом, никому никогда обиды не нанёсшим, – Бог весть! Но нашим дворцовым слугам в дни приезда государя приходилось туго: попробуй-ка избавься от тараканов, да так, чтобы не единый перед государем не вылез – таракан ведь всегда место найдёт, где облаву переждать, а после по прирождённому любопытству своему снова на свет божий вылезет. Вся надежда была на ведунью бабку Акулину, которая умела травами и заговорами тараканов отваживать, – правда, ненадолго, и не всегда помогало, но всё лучше того, чем нет ничего!..

«Восковая персона» Петра I работы Б. Растрелли.
Лицо сделано с посмертной маски Петра

В одежде государь был столь же неразборчив, как в домашней бытности: одевал, что ни попадя и как попало. Я уже рассказывал, как увидав его в первый раз, принял за убогого, в дальнейшем же убедился, что полное пренебрежение к нарядам для него обычным делом было. Не токмо перед своими, но и перед иностранными гостями и посланниками появлялся

в простецком виде и лишь в особливо торжественных случаях в парадное одеяние облачался, предпочитая военный мундир.

Запах от государя был крепок: душистой французской воды он не признавал, издеваясь над теми, кто ею пользуется, а потел сильно. Рубахи менял по две-три на дню, а под парик надевал тонкую полотняную повязку или просто полотенце, чтобы пот по лбу не струился; полотенце из-под парика виднелось, но это его ничуть не заботило.

Телесную чистоту, впрочем, соблюдал: каждую субботу ходил в баню, и указ написал, чтобы люди всех званий также по субботам под страхом наказания в баню ходили и там со всем тщанием мылись, ничуть не пропуская срамных мест, понеже без одного омовения такой тяжкий дух идёт, что от иностранцев жалобы и срам. Чего он эдак об иностранцах заботился, одному ему ведомо – кто из них в Измайлове жил, в баню ходил редко, у них это не повелось, но для приятного запаху той же душистой водой обливались.

* * *

...Да, бывали у него чудные указы – теперь-то можно сказать: бывали! Чего стоит запрет на потребление чеснока, лука и редьки перед посещением публичных мест – хорошо тому, кто дома сиднем сидит, а остальным как быть? Пётр Алексеевич и сам чеснок, лук и редьку уважал, отказа себе в них не давая. Пищу он любил простую, – даром, что царь; приверед в еде не жаловал, говоря:

– Какую пользу может принести Отечеству тело, когда оно состоит из одного брюха!

На завтрак ему подавали рюмку водки, солёный огурец, ржаной хлеб и студень с тёртым хреном. Студень из говяжьих хвостов государь очень любил и мог съесть его в изрядном количестве. На обед обычно готовили жирные наваристые щи, перловую кашу или лапшу с бараньим боком, курицу или гуся, калёные яйца и подовые пироги с зайчатиной, салом и творогом, – а вот рыбу для государя Петра Алексеевича никогда не готовили, он от неё покрывался сыпью. После обеда государь лакомился сыром и фруктами – в наших измайловских садах много чего тогда выращивалось, а оранжевых были диковинки: и арбузы, и дыни, и даже удивительный овощ ананас.

Сласти никакие государь Петр Алексеевич не любил и готовить не велел, считая это баловством. От этого туго приходилось его дочерям, Анне и Елизавете, – девицы-то, известно, сласти любят! Но государь Петр Алексеевич следил, чтобы им не давали, и однажды собственноручно вычеркнул из расходов по кухне подобное приготовление, приписку сделав: «Девкам сколь сладкого не дай, всё съедят, а казне лишние расходы».

Ужинал он тем, что осталось от обеда, внимательно следя, чтобы ничего не пропало: давешнюю еду чтобы не стащили и зазря не выбросили. Его повар, иноземец, – мы его Иваном звали, русским именем [1], – искусство своё редко мог проявить. Но, всё-таки, бывали дни нарочитых званных обедов, когда государь приказывал приготовить что-нибудь эдакое, заграничное, дабы гостей поразить.

Диковинкой в то время были французские салаты, – это уж много после матушка-императрица Екатерина Алексеевна, вторая по счету, не первая, ввела в обычай французскую кухню, а при Петре Алексеевиче таковую и не пробовали, – от тех салатов многих с души воротило из-за обилия уксуса и провансальского масла. Так, на обеде у государя некий знатный господин (мне рассказывали, что это был фельдмаршал князь Аникита Иванович Репнин, но другие утверждали, что адмирал Федор Алексеевич Головин), не смог и ложки салата проглотить – тогда Пётр Алексеевич сего господина насильно есть заставил, а после ещё влил в горло по стакану уксуса и масла; господина наизнанку вывернуло, позеленел весь, еле жив остался. Государь изволил весьма смеяться: ему нравилось гостей своих конфузить, особенно, когда он в подпитии был. Пил государь Пётр Алексеевич зело много, хотя по его характеру пить ему

было нельзя: он не хмелел, но делался буен, зол и задирист. При мне страшный случай был – это когда я государя во второй раз воочию увидел.

Вечером я поджидал отца из Приказной избы, недалеко от входа в царские покои. Вдруг появляется государь Пётр Алексеевич, пьянее пьяного, и кличет своего слугу для каких-то надобностей, – а тот возьми, да замешкайся, и шапку даже с головы снять не успел. Государь рассвирепел:

– Ах, ты, такой-сякой! Я тебя отучу на ходу спать! – и стал бить его тяжёлой дубинкой, которую всегда с собой носил.

А бедняга даже загородиться боится:

– Не надо, государь! Пощади, государь! – жалобно лепечет, но куда там! Глаза у Петра Алексеевича вовсе бешеные стали; бьёт слугу по голове со всей силы и ругается при этом непотребно. То упал, сердешный, из разбитого черепа кровь хлещет; говорить уже ничего не может, хрипит только. Государь пнул его ногой пару раз и ушёл; другие слуги к несчастному подскочили, хотели голову ему перевязать, да уж помочь ничем нельзя было – помер.

Здесь-то мне и припомнились слова отца: «Не поглядит он, что у тебя молоко на губах не обсохло, – отделает так, что жив не будешь!». Верно – никого не щадил государь Петр Алексеевич, а во хмелю тем паче никаких преград не знал... Вот ведь оказия какая, – великий царь был, много для России сделал, но и в злодействах был по-страшному велик. Людей погубил не меньше, чем татары от Батыея до Мамаея, так что Русь при нём запустела [2] – в народе Петра Алексеевича антихристом называли.

* * *

Что тебе ещё про него рассказать? Хозяйством Пётр Алексеевич не интересовался: при нём Измайлово начало хиреть; единственное, к чему интерес имел, это заводы и мастерские – бывало, целыми днями там пропадал. Во всё хотел вникнуть самолично, а поскольку ремёсел знал немало, то было ему, где руку приложить.

От такого его тщания бывали и пострадавшие: жила у нас, скажем, ключница Мавра Евлампиевна, которая от водянки так раздулась, что еле-еле в двери проходила; государь её как-то увидел, узнал, чем она больна, и немедля захотел ей нутро отворить, чтобы лишнюю воду выпустить. Уж как она причитала, умоляла не губить её жизнь, но он лишь посмеивался:

– Ничего, мать, я в Голландии у лучших врачей обучался! Боль мимолётна, исцеление вечно – до конца дней будешь меня благодарить!

Привязали её к столу, и государь надлежащее вскрытие произвёл. Крику было на всё Измайлово, а воды, говорят, вышло пять вёдер! Мавре, точно, легче стало, однако через неделю померла. Тогда Пётр Алексеевич второй раз её располосовал, чтобы узнать, от чего смерть наступила; родным же Мавры подарил десять рублей, сказав, чтобы они не печалились, поелику опыт сей на пользу науки послужит.

Пуще прочего государь Пётр Алексеевич прельщался диковинным, в чём бы оно не содержалось. Прознал он, например, что в соседней деревеньке живёт девица, у которой нос сросся вроде поросёньего пяточка, и тут же поехал к ней. Правда, жила там такая девица, и нос у неё был один в один, что пяточок у поросёнка. Государь долго её и так и эдак рассматривал, а потом призвал к себе деревенского старосту и велел, чтобы по смерти сей девицы её отнюдь не хоронили с головой, но отделив оную от тела, поместили бы во избежание порчи в бочонок с мёдом и отправили в Санкт-Петербург для государева собрания диковинных уродов. Ох, как родители этой девицы убивались, – обливаясь горькими слезами, приходили к моему отцу и просили освободить их от такого неслыханного поругания! Но он-то что мог сделать?

– Кто я, и кто царь, – отвечал он им. – Неужто он меня послушает? Своей головы не лишиться бы...

Ну, да скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: после того, как Пётр Алексеевич в мир иной отошёл, о том его приказании всё забыли, а девицу, когда и её срок помирать пришёл, похоронили честь по чести, по христианскому обряду...

Из полезных диковинок, имеющих благое влияние на дела государственные, упомяну бот, найденный Пётром Алексеевичем в годы юности его на нашем льняном дворе и называемый «дедушкой русского флота», ибо от хождения на ботике сем по измайловским прудам у государя превеликая охота к корабельному делу появилась.

«Уродцы» Петра I в Кунсткамере, Петербург

С этим ботиком связана моя третья и последняя встреча с государем Петром Алексеевичем. В тот год ботик велено было со всем почитанием перевезти в Санкт-Петербург и разместить вблизи от «внучат» – кораблей флота российского. Торжества были большие: Измайлово разукрасили флагами и лентами и расписными деревянными скульптурами, кои суть были аллегии, о славном пути флота повествующие. Пушки палили, фейерверки разноцветными огнями в небе вспыхивали; народу было приказано веселиться и кричать «виват!».

Я кричал вместе со всеми, не жалея горла, – и так громко, что государь Пётр Алексеевич среди всех иных голосов мой голос услышал. Подойдя ко мне, государь спросил:

– Ты чей будешь, иерихонская труба? Твой «виват» громче пушек слышен.

У меня душа в пятки ушла, но я не растерялся: снял шапку, поклонился на иноземный манер, как господа в усадьбе кланялись, и отвечаю:

– Вашего величества великого государя Приказной измайловской избы подъячего Саввы Григорьева Брыкина родной сын Иван.

– Да ты совсем молодец, – ишь, как рапортуешь! – говорит государь. – Грамоте обучен?

– Так точно, ваше величество, великий государь! – кричу я ещё громче.

– Оглушил, оглушил! – схватился он за уши. – На тебе, за рвение и расторопность рубль серебряный... Смотри же, береги, на орехи на пролакомь.

– Сберегу, великий государь, не пролакомлю! – отвечаю, а у самого так руки трясутся, что боюсь рубль выронить.

Государь отвернулся от меня и пошёл далее; больше я его никогда не видал, потому как через год или чуть более пришло из Петербурга известие, что император всероссийский, царь всея Руси Пётр Алексеевич умер Божией волею. Повелевалось траур по нему целый год

носить, – в тот же день, однако, кто-то подкинул в Приказную избу подмётный листок с рисунком «Как мыши кота хоронили»: мыши тянут умершего кота на погост, пляшут и веселятся, – а кот-то, ни дать, ни взять, Пётр Алексеевич, вылитый!

Отец мой аж побелел: он в Измайлове за главного был, ему за всё и отвечать. По закону следовало бы заявить «слово и дело», поскольку здесь было явное государственное преступление – оскорбление царского величия. Однако по «слову и делу» розыск полагался самый тяжёлый: пытали не только ответчика, но и заявителя, чтобы узнать, не утаил ли он чего. И им одним не ограничились бы – бывало, десятки людей под пытки шли. А промолчать тоже невозможно: за недонесение полагалась смертная казнь.

Что делать? Отец всю ночь не спал, а утром, помолившись перед иконой заступницы нашей Божьей матери, сжёг этот зловредный листок в печи:

– Бог не выдаст, свинья не съест. Авось, обойдётся как-нибудь...

И правда, обошлось – никто не донёс; а чья это была работа, так тайной и осталось. Рублевик же Петра Алексеевича и ныне при мне – вот он, гляди, на шее ношу, верёвочка продета! Не пролакомил я дар государев, сберёг...

Екатерина I

Государыня Екатерина Алексеевна была не гордая и простая. Она и была из простых: поговаривали, что её родители-чухонцы крестьянствовали, а она в молодости служанкой была в богатом доме. Государь Пётр Алексеевич сильно её любил, не в пример, как свою первую жену, – как говорится, первая жена постель нагрет, тут и вторая подоспеет...

Внешностью государыня тоже была проста – рост малый, тело дородное, волосы смоляные, лицо чернявое; в Измайлове многие бабы были краше её. Одевалась она неприглядно: платья носила мешковатые, будто не по ней сшитые; на шею навешивала с дюжину амулетов и образков, так что при ходьбе они на ней стучали и гремели.

У нас шептались, чего государь в ней нашёл? Уж не околдовала ли она его чем? А ответ прост был: Екатерина Алексеевна всегда шла за Петром Алексеевичем, как нитка за иголкой, ни в чём ему не перечила, ни в чём не упрекала, но постоянную заботу оказывала и одна могла его нрав смягчить.

Терпению её сам Иов-многотерпец позавидовал бы, тяжело ей с государем приходилось: он хоть и любил Екатерину Алексеевну, но помыкал ею безмерно – не всякий мужик так со своей бабой обращается. Швырнёт, бывало, ей свои порвавшиеся чулки: «Катя, заштопай!»; пуговица оторвётся: «Катя, пришей!»; рубаха грязная: «Катя, постирай!». Да разве некому было царю заштопать, пришить и постирать? Нет, он её заставлял!

И готовила она сама: на кухне стряпала едва не каждый день, кухарки государыню почти что за свою считали. И стол сама накрывала – хорошо, хоть посуду не мыла, да и то случалось.

От болезней лечила Петра Алексеевича успешнее лекарей и даже припадки падучей болезни у него могла сдерживать. Мне ни разу не пришлось видеть, как он бился в падучей, но те, кто видели, говорили, что это было страшно. Он начинал сперва размахивать руками и несвязно выкрикивать, потом хрипел, пускал пену изо рта, падал на землю и бился в судорогах. Никто не мог предугадать, когда припадок у него начнётся и сколько будет продолжаться, и средства никакие не помогали, – но Екатерина Алексеевна каким-то нутряным бабьим чутьём предугадывала и предупредить способна была. Прижмёт она его к себе, погладит, пошепчет что-то, он и заснёт, а как проснётся, уже бодр и свеж.

Верно, и за это он её ценил, однако от ярости его и ей пощады не было. Начнёт её ругать, так хоть святых вон выноси, – ругаться он был мастер, научился у солдатни, да у матросов. А то и кинет в неё чем-нибудь, а то и стулья или столы крушит, – а на выходе так дверью хлопнет, что притолоку после приходилось чинить. Случалось, что и бил Екатерину Алексеевну – уж как она кричала, горемычная! Однако виду не подавала: выйдет на следующий день к гостям государевым и улыбается, как ни в чём не бывало, только на лице густая пудра, чтобы синяки скрыть...

Рожала она от государя много, – не то одиннадцать, не то двенадцать детей у них было; в живых остались две дочери: Анна и Елизавета [3]. О них расскажу, когда придёт черёд: одна стала матерью государя-императора Петра Третьего, другая – сама на трон взошла...

* * *

Обиднее всего было Екатерине Алексеевне терпеть постоянные измены государя: его беспохотливый всё время искушал, толкая к прелюбодейству. В молодости, говорят, Пётр Алексеевич и содомским грехом был одержим – творил блуд и со знатными юношами, и с солдатами, и с матросами. Светлейший князь Александр Данилович Меншиков, по слухам, с этого вверх во власть пошёл: в юности он смазлив был, и государь затащил его в свою постель, яко шлюшку какую.

Меншикова я видел, когда он вместе с государем Петром Алексеевичем приезжал в Измайлово. Его у нас не любили: надменен был и спесив, держал себя так, будто Бога за бороду схватил. Екатерина Алексеевна в прошлые годы его полюбовницей была, а уж потом к государю перешла, – однако с той поры и до последнего года своей супружеской с Петром Алексеевичем жизни никаких вольностей себе не позволяла. А государь девиц и баб, высокого и низкого происхождения, блудно пользовал, и к себе приближал, и во дворец приводил, нисколько не стесняясь жены своей. Каково было Екатерине Алексеевне накрывать стол обеденный не только для государя, но и для очередной его пассии, а потом сидеть вместе с ней и видеть, как Пётр Алексеевич той особе знаки внимания оказывает?

Но ничем государыня себя не выдавала, разве что в душе против мужа обиду таила, – а уж коли баба обиду затаит, то жди беды: найдёт милого дружка для утешения и мести. Для Екатерины Алексеевны таким утешителем стал Вилий Монс [4], брат Анны Монсихи. Её в Москве все знали – из-за этой немецкой гадюки государь Пётр Алексеевич свою первую, Богом данную жену в монастырь заточил. Монсиха до денег и подарков была зело охочая, – так он её одаривал по-царски: осыпал золотом да самоцветами, большущий дом ей выстроил, имение с крестьянами подарил. Сродственников её тоже одарил и возвысил; в числе оных был Вилий Монс, который при государе остался и после того, как фавор Монсихи прошёл.

Как он к Екатерине Алексеевне подкатил, нам про то неведомо, но она уже в годах была, когда любезничать с ним стала. Государь, надо быть, этого не замечал, а люди-то всё видели; видел раз и я, как Екатерина Алексеевна с Вилием миловалась. Было это дня за три до празднеств в честь «дедушки русского флота» – ботика государева. Мы с отцом возвращались с вечернего обхода усадебных заведений, – глядим, под липами напротив главных ворот какая-то парочка прогуливается. Луна за тучи спряталась, и я не узнал их, но от отцовского взгляда ничто укрыться не могло.

Портрет Екатерины I.
Неизвестный художник начала XVIII века

– Ох, ты, Господи! – сказал он. – Никак государыня Екатерина Алексеевна, а с ней Вилий Монс! Ишь ты, под ручку идут, и он ей чего-то на ухо нашептывает! Дойдёт до государя, быть беде!

Так и вышло. Государь и государыня отбыли в Петербург, а за ними и Вилий увязался, – и вот, приходит вскорости к нам указ, что Вилий Монс оказался прямой изменник и вор, и казнён смертью через отсечение головы. Был ли он в блудной связи с Екатериной Алексеевной, нет ли, один Бог знает, однако государь Пётр Алексеевич на расправу был скор – он и за меньшее казнил, а тут кто-то на жену его покусился и ответное предпочтение получил.

Голову Монса государь Пётр Алексеевич велел в большой банке заспиртовать и выставить в своём собрании всяких диковинок. Я видел эту голову через немалое время, когда в

первые годы царствования государыни Екатерины Алексеевны Второй в Санкт-Петербург по своим надобностям приезжал. Красив был Вилий, ничего не скажешь, – даже смерть его лицо не обезобразило; такого очень даже возможно было государыне полюбить...

Недолгим бабье счастье Екатерины Алексеевны было, да и правление её длилось недолго: годочка два после смерти Петра Алексеевича императрицей побыла и преставилась. Не успели мы один траур снять, как другой пришлось надевать.

Пётр II

Государя-императора Петра Второго я видел часто: он жил у нас в Измайлове подолгу. Круглый сирота, ласки родительской сей ребёнок не знал: мать его умерла, когда он был в младенчестве [5], а затем и его отец Алексей Петрович, сын государя Петра Алексеевича от первой жены, почил [6].

Зная, что государь Пётр Алексеевич хотел сделать своим наследником сына, родившегося от Екатерины Алексеевны [7], мамки и няньки о маленьком Петруше заботились мало и, чтобы меньше с ним возиться, подавали ему вино, от которого он засыпал. От тех вливаний пришла к нему с молодых ногтей привычка к винному зелью, которая со временем ещё более развилась, здоровье его весьма ослабила и раннюю смерть ускорила.

По выходе из младенческого возраста к нему приставили для обучения кремлёвского дьяка Семёна Маврина и иноземного учителя Ивана [8]. Я их хорошо помню: были они бездельники, выпивохи и охальники. Воспитанием царского внука они вовсе не занимались, пьянствовали во все дни и дворовым девкам проходу не давали. Когда государь Пётр Алексеевич приехал в Измайлово проверить, что его малолетний внук умеет, тот кроме немецких, русских и татарских ругательств ничего из учения предъявить не смог. Пётр Алексеевич осерчал и избил этих горе-учителей до полусмерти, но достойных наставников внуку так и не назначил.

Рос Пётр-младший, как трава придорожная, которая сама собою держится. Занятия сам себе находил, более всего предпочитая пиршества и охоту; скоро вокруг него развесёлая компания собралась: известно, веселиться – не трудиться! Заводилой у них был князь Иван Долгоруков, пьяница, повеса и гуляка, на проказы неистощимый; Пётр в нём души не чаял.

Но и Елизавета, дочь государя Петра Алексеевича и государыни Екатерины Алексеевны, мало в чём князю Долгорукову уступала. Веселиться могла сутками; верхом ездила, как гайдук, часами с лошади не слезала; на охоте ловчее мужчин была и от неудобств походной жизни нисколько не страдала. О ней я уже упоминал и ещё в своё время говорить буду, пока же скажу, что в той компании она была из главных.

Юному Петру Алексеевичу приходилась Елизавета Петровна тёткой по отцу, но одно название, что тётка – немногим она старше своего племянника была. Он от неё ума лишился – бывало, прибежит обедать и кричит:

– Вот вырасту и на Лизаньке женюсь! Я буду жених, она – невеста, и свадьба у нас будет пир на весь мир!

А она игралась с ним, как кошка с мышкой: то коготки отпустит, то опять сожмёт. То приласкает его, а то насмешничать начинает – иной раз до слёз его доводила, но он всё ей прощал...

В последний год жизни государя Петра Алексеевича и в правление государыни Екатерины Алексеевны юный Пётр Алексеевич проживал в Петербурге, и мы его не видели. Но когда он на престол российский взошёл, то изволил в Москву со всем двором вернуться и в Измайлово по-прежнему на охоту навещался.

Он сильно в это время переменялся: вымахал с коломенскую версту, но стал заносчив, груб со слугами и немилосерден. Даже со своими близкими бывал он пренебрежителен, – бабка его родная Евдокия Фёдоровна, бывшая царица, первая жена государя Петра Алексеевича, – от внука ласки так и не дождалась. Из монастырской ссылки он ее вернул и достойное содержание установил, однако теплом и вниманием отнюдь не одаривал.

Евдокия Фёдоровна единственный раз приезжала в Измайлово, тогда-то я её и видел. Стара она уже была, но величественна; росту небольшого, но держалась прямо, будто корону на голове несла, – сразу видать, что царица. Лицом, должно быть, в молодости была весьма пригожа, да и в старости привлекательности не утратила. Со слугами говорила тихо, но властно, –

такую без крика послушаешься. Подумалось мне: вот если бы она царицей осталась, если бы муж её государь Пётр Алексеевич от себя не удалил, по-другому жизнь в России пошла бы... Ну, да что говорить – человек предполагает, а Бог располагает!..

Коротким её свидание с внуком было: потолковал он с ней часок и уехал на охоту. Ждала она его, ждала, да где там!.. Он на охоте неделями пропадал, разве дождёшься?.. Так и уехала, больше с ним не повидавшись.

Зато к Елизавете Петровне он не на шутку стал сердечную симпатию показывать. Случилось ли что промеж ними, нет ли, не знаю, но это уже не детские ухаживания были.

– Женюсь на Лизе, и делу конец! – говорил Пётр Алексеевич на все возражения. – Наше родство не близкое, у нас отцы и матери разные, – да разве не было примеров, чтобы и при близком родстве цари женились? Я император, – как прикажу, так и будет.

Видя такое его влечение, Долгоруковы поспешили Петра Алексеевича со своей дочерью Екатериной свести, которая была родной сестрой князя Ивана. Красавицей была княжна Екатерина, – глядеть, не наглядеться, – но скандал вышел: она к Петру Алексеевичу никакого расположения не чувствовала, у неё собственный воздыхатель имелся. Тем воздыхателем был иностранец Миллесим или Миллезим, – имя это или прозвище, не помню [9]. Такая у них любовь была, куда там! – но Долгоруковы этого Миллесима прогнали и чуть не силком заставили Екатерину с Пётром Алексеевичем обручиться. Как они их уговорили, никому не известно; его-то ещё могли склонить, он весь в их власти находился, но она была горда и характера сильного, такую сломить непросто.

Долгоруковы её уже на престоле видели, а себя при ней первыми людьми, но Бог рассудил иначе: в тот самый день, когда должна была княжна Екатерина с Петром Алексеевичем венчаться, царь умер. Говорили, что от оспы, – мы этого не знаем, в последнее время он у Долгоруковых проживал, у нас не появлялся, – однако и при оспе люди выживают. У нас кузнец Михей оспой болел, за ним – Феофилакт, плотник, а за ним ещё Дормидонт, маляр, со всем семейством, – и никто не помер, слава Богу! А тут, молодой, в цвете сил, и, нате вам, помер! Правда, пил юный Пётр Алексеевич много, – я уж рассказывал, – и жизнь вёл беспокойную, разгульную, так что, может, и впрямь не смог болезнь одолеть.

Анна Иоанновна

По смерти государя Петра Алексеевича Второго императрицей стала Анна Иоанновна, дочь родного брата государя Петра Алексеевича Первого, слабого умом царя Иоанна, что умер в молодых годах, успев, однако, изрядное потомство оставить. В живых остались только девки, царевны; жили они со своей матерью, вдовствующей царицей Прасковьей Фёдоровной, все здесь, в Измайлове, пока государь Пётр Алексеевич Первый их в Петербург не перевёз, где своих племянниц за иностранных принцев замуж выдал.

Анна Иоанновна тоже была выдана за какого-то принца, но тот возьми и умри сразу после свадьбы [10]; так она и жила молодой вдовой на чужой сторонке. Как и отчего Анну Иоанновну на престол российский пригласили, не нашего ума это дело [11], но вернулась она из-за границы снова в Измайлово. Жила она здесь год или малость более, но нам этот год целым веком показался. Что тут творилось, не приведи Господи! Машкерады, балы, увеселения с фейерверками, заграничные театры, шутов да скоморохов представления – и прочее, и прочее, и прочее! И ладно бы, если шло то веселье от сердца, простое и искреннее, но нет – было оно надрывным, а нередко и злым.

Большой парадный портрет Петра II.
Художник И. Люден

Скажем, привезла государыня с собой карликов и карликовиц, – любила она всяческих уродцев, совсем, как её дядя Пётр Алексеевич. Он, однако, из них умерших коллекцию составлял, в банки помещая, словно редких животных, а государыня Анна Иоанновна при себе таких уродцев держала, поощряя на выходы, кои не в каждом кабаке допустили бы. Заполонили эти карлики и карликовицы всё Измайлово, житья от них не стало: такие пакостники, всех задирают, невзирая на чин и возраст, и всякие обидные мерзости выделывают. А тронуть их нельзя – головы лишишься.

На расправу государыня была скорой. Как-то повар наш Никодим недоглядел: подал ей к блинам прогорклое масло; государыня Анна Иоанновна очень русскую кухню любила – блины

и пироги всегда к её столу подавали. Государыня осерчала и велела тотчас Никодима повесить. Схватили его и повели к дубу, что прямо под окнами кухни стоял. Мы глазам своим не верим – думаем, для острастки это делается, для одного только виду. Попугают, мол, и отпустят Никодима, тем более что и жена его с детьми прибежала; воют они, плачут, просят Никодима помиловать. Ан, нет, – накинули бедолаге петлю на шею, руки связали и вздёгнули на дубовом суку. Вот тебе и острастка, – лишили человека жизни ни за что, ни про что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.